

ТЕМЫ, ОБРАЗЫ, СМЫСЛЫ

УДК 82.091

ТРИ ЗАМЕТКИ К ТЕМЕ:
Н. В. НЕДОБРОВО И АННА АХМАТОВА
К 100-ЛЕТИЮ ОПУБЛИКОВАНИЯ В «РУССКОЙ МЫСЛИ»
СТАТЬИ Н. В. НЕДОБРОВО «АННА АХМАТОВА»

Ахвердян Гаяне Робертовна,

поэт, литературовед
(Армения, Ереван)
E-mail: gaifl@rambler.ru

Ключом к пониманию Н. В. Недоброво ахматовского творчества становится интерпретация её стихотворения «Исповедь». Статья анализирует его связи не только с евангельской историей чудесного воскрешения Христом юной девушки, но и со стихотворением И. Анненского «Дочь Иаира». Тема любовного воскрешающего Слова как одной из важнейших основ христианского миропонимания объединяет сквозные мотивы поэзии Ахматовой, от ранней любовной лирики до «Поэмы без Героя» («победившее смерть слово»), с художественной ментальностью И. Анненского и Н. Недоброво.

Ключевые слова: А. Ахматова, И. Анненский, Н. Недоброво, дочь Иаира, Евангелие, жизнь в Слове и по Слову.

1. Ключ к статье Н. В. Недоброво

Статья Н. В. Недоброво «Анна Ахматова», судя по времени создания (оно известно по его автографу на самой статье: «Начато давно – едва ли не в январе еще, окончено 10.III.14» [7, с. 90]), приурочена

была к выходу второй книги стихотворений Анны Ахматовой «Четки» (вышла в свет 15 марта 1914 года). Однако опубликована была эта статья в «Русской мысли» из-за бедствий Первой мировой войны более чем годом позже – уже в июльской книге 1915, когда было напечатано уже второе издание «Четок».

В статье Н. В. Недоброво, сколь знаменательной «в оценке поздней» самой Анны Ахматовой и столь знаменитой в ахматоведении, есть одна парабола: ее ключевое место обозначено курсивом самим Недоброво. В конце части десятой (всего в статье 12 частей), целиком и полностью приводя стихотворение Ахматовой «Исповедь», царскосельское по месту создания, датируемое 1911 г., Недоброво задает читателю вопрос, по сути риторический, ибо звучит он как озарение и просветленное понимание им творческих глубин всей поэзии Ахматовой: «*Не дочь ли Иаира?»*» [4, с. 229].

Приведем эту «Исповедь» из «Четок» Анны Ахматовой полностью:

*Умолк простивший мне грехи.
Лиловый сумрак гасит свечи,
И темная епитрахиль
Накрыла голову и плечи.*

*Не тот ли голос: «Дева! встань...»
Удары сердца чаще, чаще.
Прикосновение сквозь ткань
Руки, рассеянно крестящей*

[1, с. 74].

Здесь не только сама лирическая ситуация исповеди, когда все оживает для души, готовой к жизни, а и сама строка стихотворения узнаваема: «Не тот ли голос: “Дева! встань...”» – ибо возводит стихотворение «Исповедь» к евангельскому источнику. Прообраз его – евангельская история о том, как воскресла от одного прикосновения и звука голоса Христа лежавшая при смерти девочка, дочь Иаира – она ожила по его единому слову. Об этом рассказывается у трех евангелистов: Луки, Марка и Матфея; ближе всех строка ранней ахматовской «Исповеди» Евангелию от Луки: «*Все плакали и рыдали о ней, но Он сказал: не плачьте; она не умерла, но спит*» (8, 52). «*Он же, выслав всех вон и взяв ее за руку, возгласил: девица! Встань*» (8, 54).

Но знал ли вопрошавший «Не дочь ли Иаира?» Н. В. Недоброво о пороге жизни и смерти – внезапной болезни и необъяснимо чудесном выздоровлении десятилетней Ани Горенко? Или угадал этот исток ее поэтической силы? А может быть, мог знать об этом из первых уст – от неё самой?

Аманда Хейт в своей известной книге [6] передаёт в косвенной форме рассказ-воспоминание поэта о том, как осенью 1899 г. десятилетняя Анна поступила в 1-й класс Царскосельской Мариинской женской гимназии. «Несколько месяцев спустя Анна очень тяжело заболела. Неделью пролежала она в беспомощности, и думали, что она не выживет. Когда она все же поправилась, ее вдруг на какое-то время поразила глухота. <...> Именно тогда она стала писать стихи, и ее никогда не покидало чувство, что начало ее поэтического пути тесно связано с этим таинственным недугом» [7, с. 34] (здесь и далее курсив мой – Г. А.). Одно из первых тогдашних ее стихотворений называлось, как неспроста вспоминала Ахматова, «Голос». Ее «*таинственный недуг*» и «*Таинственный песенный дар*» (строка в «Молитве») – некогда перенесенная человеком мука, смертная тоска и болезнь преображены – в особую зоркость к живому миру и чудесному дару речи. Сам царскосельский сад – сад Муз в лирическом отступлении «Поэмы без Героя» Ахматовой назван именно *таинственным*. В нем тайна пробуждения жизни в Слове и по Слову.

У Ани Горенко это пробуждение и оживание в слове было связано с тайной исцеления от страшной смертной болезни, и эта связь со Словом, ранняя, глубинная, необъяснимая, и есть «тайна тайн» – сердцевиной поэзии Анны Ахматовой: живое слово возвращает девочку к жизни. Голос, который вывел из смертного сна живую душу, на всю жизнь стал для поэта посвящением, и жизнь преобразилась в бодрствование в Слове.

Ведь именно в этом понимании слова как божественного дара жизни – отклик на него Недоброво, который звучит для Ахматовой как подтверждение, точка опоры и желанная разгадка судьбы поэта. Это происходит узнавание им евангельского прообраза в лирическом я не только в ранней «Исповеди», но и во всецелом выборе поэтического пути Анной Ахматовой – воскресающей от Слова, восстающей по Слову, всеми чувствами оживающей в нем, как та юная девочка из Евангелия на тихий голос Христа.

Именно на этот голос, ему, «незабвенному» и «нежному» другу, отвечает она в царскосельском лирическом отступлении «Поэмы без Героя», в которую она «не пустила его» – на гибель, и где он вот-вот зазвучит в ответ – и наравне – голосом Автора. Всё двенадцатистишие строфы «Лирического отступления: последнего воспоминания о Царском Селе» – дано в Поэме курсивом самой Ахматовой. Интересно отметить, что в нескольких первоначальных редакциях Поэмы довольно долгое время (со второй редакции 1943 года, где впервые появляется эта строфа, по шестую, 1959 года, вплоть до седьмой редакции 1962 года) строка «Победившее смерть слово» передавалась лесенкой, от-

ступами в три строки – каждое слово становилось одной целой строкой.

Эта строфа финальная, и не только для самого лирического отступления, но и всей главы третьей части первой «петербургской повести». Только после этих строк начинается «Глава четвертая и последняя» Части первой – первого зеркального полотна Триптиха с развязкой, в которой выбор и гибель Героя Поэмы. А эти строки – своеобразный порог судьбы Автора в Поэме, его выбор, его поворот – к жизни:

*Разве ты мне не скажешь снова
Победившее смерть слово
И разгадку жизни моей?*

[1, с. 367].

2. «Ледяной таинственный сад»

«Я помню, как он это говорил», – это слова Ахматовой о запомненной ею, почти десятилетней девочкой, речи И. Ф. Анненского на торжественном открытии памятника А. С. Пушкину в Царском Селе 29 мая 1899 г. [7, с. 34].

Ахматова в Записных книжках называет свою тему рассказа о нем «Последней трагедией Анненского», напоминая о смертельной обиде Анненского из-за нарушенного С. К. Маковским обещания напечатать подборку его стихотворений в «Аполлоне». Эта история известна – мистифицированный выдумавшими таинственную поэтессу М. Волошиным и Е. Дмитриевой, влюбленный в эту мифическую незнакомку Черубину де Габриаак, редактор предпочел опубликовать её стихи. «А вот стихи Анненского, чтобы напечатать ее, Мак<овский> действительно выбросил из перв<ого> номера, что и ускорило смерть Ин<нокентия> Феод<оровича>. (См. Ан<ненский> – Мак<овскому> письмо...)», и Ахматова цитирует тут же слова из этого письма Анненского: «Не будем больше говорить об этом и постараемся не думать» [2, с. 268].

Что речь идет не о первом, октябрьском номере «Аполлона» 1909 года, а о втором, ноябрьском, следует уточнить, ибо именно в первом, октябрьском, был напечатан «Трилистник ледяной» Ин. Анненского. За этой замеченной фактической неточностью Ахматовой, своего рода «оговоркой» памяти, стоит «ошибка ума», но не «ошибка сердца» (по формуле Достоевского).

Она не могла ни забыть, ни простить этой обиды поэта: когда в ноябрьском «Аполлоне» не произошло столь значимого для Анненского продолжения публикации его стихов, это стоило поэту жизни – этот месяц стал последним его месяцем.

Но в первом, октябрьском номере «Аполлона» был «Трилистник ледяной» (на страницах 16–17). Он включал три стихотворения Анненского: «Ледяная тюрьма», «Снег», «Дочь Иаира». «Ледяная тюрьма» – плен солнца в оковах льда и холода, их торжество над ним, в «сиреновом» же «Снеге» – предвестие «заоблачных нег», чувство «томительной грани Всесожженья весны». Именно «всесожженья» – горенья-таянья льдов и снегов: с такого освобождения, как пробуждения и оживания, начинается третья – пасхальное, весеннее стихотворение «Дочь Иаира»:

*Голубые льды разбиты,
И они должны сгореть!*

[3, с. 87].

Здесь контраст бурного разбивания оков земного сна природы, пробуждаемой стихии огня солнца, – и человечески нежного, тихого воскрешающего Слова Христа. Небо разбуженной от смертного сна зимней природы становится как «сине пламя», таянье снегов – огнем «всесожженья», но разве так приходит Жизнь бессмертная, разве такова пробуждающая любовь к жизни, любовь к живому?

*Ведь под снегом сердце билось,
Там тянулась жизни нить:
Ту алмазную застылость
Надо было разбудить...*

*Для чего с контуров нежной
Непорочной красоты
Грубо сорван саван снежный,
Жечь зачем ея цветы?*

*Так ли дочь Иаира
Поднял некогда Христос?*

*Не мигнул фитиль горящий,
Не забыл ветер ткань...
Подошел Спаситель к спящей
И сказал ей тихо: «Встань!»*

Здесь трактовка евангельского прообраза, данная Анненским: образ истинного – тихого Слова любви, пробуждающего жизнь из-под спуда сна – «не умерла, но спит» – воскресения и пробуждения проти-

вопоставлен стихии разгула и накала природных сил: «Т а к ли дочь Иaira / Поднял некогда Христос?»).

Не из этого ли стихотворения Анненского «Дочь Иaira», завершающего «Трилистник ледяной», выросли воспринятая Ахматовой и преобразующая мир Тишина слова, и «настоящая нежность», и эпитет «ледяной» о таинственном саде – «парке воспоминаний», о Царском Селе Пушкина, принятом ею из рук и уст того, кого она считала своим Учителем?

Если заглянуть в Летопись, в 1911 год, узнаем и то, что 14 марта Анна Ахматова читает стихи на «Башне» у В. И. Иванова, который при первом ее приходе туда «пригласил ее к столу, предложил ей место по правую руку от себя, то, на котором прежде сидел Анненский. (...) потом объявил всем, представляя А. А.: “Вот новый поэт, открывающий нам то, что осталось нераскрытым в тайниках души И. Анненского”» [7, с. 62]. Есть и такая вариация на эту тему в записи Ахматовой: «Вячеслав Иванов, когда я в первый раз прочла стихи в Ак<адемии> стиха, сказал, что я говорю недосказанное Анненским, возвращаю те драгоценно<сти>, кот<орые> он унес с собой. (Это не дословно.) А дословно: “Вы сами не знаете, что делаете наедине”» [2, с. 93].

В творческой истории создания статьи Недоброво об Ахматовой сыграл свою, возможно, полемическую роль и доклад Вяч. Иванова в «Обществе поэтов» «Об Алкее и Сафо», на котором, как свидетельствует Летопись, 23 января 1914 г. присутствовали Ахматова и Недоброво.

Не исключаем и другое, правда, для данной темы также пока неисследованное значение и влияние курса «Лекций по античной трагедии» (1909) Ин. Анненского. В октябре 1911 года Ахматова поступила на Высшие женские курсы Н. П. Раева, где непосредственно до Вячеслава Иванова, преподававшего ей, преподавателем античной словесности был Иннокентий Анненский, а сами записи-тексты упомянутых лекций Анненского были доступны. Сильное впечатление от знания этих возможных источников для ряда аналогий и сравнений в статье Недоброво о творчестве Ахматовой оставляет и указание Недоброво на «дар геройского освещения человека» в поэзии Ахматовой. Не сказались ли уроки античности Анненского о ее героях и особо воспринятом действе античной драмы, разомкнутом во время настоящее у Ахматовой?

3. Тихое слово Анны Ахматовой

Ахматова оставила много загадок, но все ее стихи – это посвящение в тайну оживания, в тайну жизни, в сердцевину бытия. Недоброво назвал ее стих «тающим». Не потому ли в первом посвящении Поэмы Ахматова сравнивает по ассоциативной связи проступающее оживающее чужое слово с тающей снежинкой:

*И вот чужое слово проступает
И, как тогда снежинка на руке,
Доверчиво и без упрёка тает.*

Самое первое стихотворение, которому Недоброво посвящает свой разбор в статье «Анна Ахматова», с которого начинается его – это «Настоящую нежность не спутаешь...», впервые напечатанное в «Четках», созданное в Царском Селе в декабре 1913 года. Он приводит его во второй части статьи как целиком и полностью, так и повторяет, особенно начальные, на разные лады, пробуя, перебирая звучание строк. Начиная с наблюдения о речи Ахматовой как простой и разговорной, он завершает выводом: «Итак, при разительной крепости стройки, какая в то же время напряженность упругими трепетаниями души!» [4, с. 215].

Источник ахматовского критерия –

*Настоящую нежность не спутаешь
Ни с чем – и она тиха –*

не в той ли трактовке Анненским в «Дочери Иаира», где

*Подошел Спаситель к спящей
И сказал ей тихо: «Встань!».*

И как в «Исповеди», слух поэта сверяет звук прозвучавшего ей когда-то на пороге жизни и смерти Голоса – «Не тот ли...» – и узнает его, оживая: «Удары сердца чаще, чаще...». Не забывшее сердце отличает этот Голос от всех иных голосов, зрячая душа ни с чем не спутает истину любви, как дар свыше, в которой нет силы принуждения, ибо любовь не принуждает.

Предполагаем такую переключку: слов о «настоящей нежности»¹ Ахматовой со словами Порции (из «Венецианского купца» Шекспира). Приведем (в переводе П. И. Вейнберга) этот монолог переодетой адвокатом героини, который звучит в Акте четвертом, сцене первой, место действия – Венеция, зала суда:

*По принуждёнью милость
Не действует, а падает она,
Как тихий дождь, струящийся на землю
Из облаков. Благословенье в ней
Сугубое: она благословляет
Тех, кто даёт и кто берёт её.*

«Жалость – божественный лик любви», – записала Фаина Раневская, подруга Ахматовой.

Вечная сверка души подлинного и мнимого, оживающего и мертвеющего – не она ли сказалась в ахматовской интонации в «Поэме без Героя» ответа современнику о Герое, без которого ее Поэма: «И мне жалко его...», а гостям-призракам из тринадцатого года будет указано: «Венеция дождей – это рядом...».

Кого бы ни оправдывала и кого бы ни судила Поэма, они живы в памяти Автора, искуплены словом поэта – и суд «Не тебя, а себя казною» – происходит во взгляде человеческой жалости и Божьей милости. Критерий четок...

Примечания

1. См. об этом слове-концепте главу четвертую монографии Г. М. Темненко «Концепт “нежность”: между “чужим” и “неповторимым” словом» [5, с. 317–332]. К исследовательским доказательствам добавляем свое предположение об этом источнике из Шекспира.

Список использованных источников

1. Ахматова А. Стихотворения и поэмы / сост., подгот. текста и примеч. В. М. Жирмунского. – Л.: Сов. писатель, 1979. – (Библиотека поэта. Большая серия. Второе изд.).

2. Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1956) / РГАЛИ; сост. и под. текста К. Н. Суворовой; вступ.ст. Э. Г. Герштейн; науч. конс., введ. замет. к зап. книж., указ. В. А. Черных. – М.: Torino : Giulio Einaudi editore, 1996.

3. Иннокентий Анненский. Избранные произведения / сост., вступ. ст., коммент. А. Федорова. – Л.: Худож. лит., 1988.

4. Недоброво Н. Милый голос. Избранные произведения / Сост., прим., послесл. М. Кралина. – Томск: Водолей, 2001.

5. Темненко Г. М. Анна Ахматова: опыты интертекстуальных и имманентных прочтений. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2013.

6. Хейт А. Анна Ахматова. Поэтическое странствие. Дневники, воспоминания, письма А. Ахматовой / пер. с англ. М. Тименчика; предисл. А. Наймана; коммент. В. Черных, Э. Бабаева, Э. Герштейн. – М.: Радуга, 1991 – 383 с.– М.: Радуга, 1991.

7. Черных В. А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. – Изд. 2-е, исправл. и доп. – М.: Индрик, 2008.

THREE MEMOS ON THE TOPIC:
N. V. NEDOBROVO AND ANNA AKHMATOVA

Akhverdyan Gayane Robertovna,

poet, literary critic

(Armenia, Yerevan)

E-mail: gairfl@rambler.ru

The key to N.V. Nedobrovo's understanding of Akhmatova's heritage lies in the interpretation of her poem 'Confession' ('Ispoved'). The article analyses its connections not only to the evangelical story of the miraculous resurrection of a young girl by Jesus Christ, but also to poem 'Jairus' Daughter' by I. Annensky. The theme of the resurrecting Word of love as one of the central foci of Christian cognition involves the image-making motifs of Akhmatova's poetry, starting from the early poems to "Poem Without a Hero" ("The Word That Causes Death's Defeat") in relation to I. Annensky's and N. Nedobrovo's creative mentality.

Keywords: *A. Akhmatova, I. Annensky, N. Nedobrovo, Jairus' daughter, the New Testament, life in Word and by Word.*